

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)«19/20»

В.А. Анохин

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Исследуются основные особенности советской системы обеспечения безопасности производственных ядерных объектов на примере Сибирского химического комбината: особый режим закрытой территории, жесткая кадровая политика, вооруженная охрана объектов и технические средства охраны.

Ключевые слова: ядерная безопасность; Сибирский химический комбинат.

Ядерное оружие и его научно-производственная инфраструктура относятся к одной из наиболее чувствительных сфер национальной безопасности. Не будет преувеличением сказать, что обеспечение безопасности объектов ядерно-оружейной инфраструктуры в условиях холодной войны представляло собой приоритетную задачу не только уполномоченных государственных органов, но и высшего руководства страны в целом. Американские специалисты самого различного уровня неоднократно признавали, что в Советском Союзе меры безопасности в отношении ядерных материалов, оборудования и технической информации были чрезвычайно жесткими. Самые строгие меры принимались даже для охраны гражданского транспорта и оборудования связи, чему на Западе никогда не придавали особого значения [1. С. 75]. Однако с распадом СССР мир стал свидетелем появления большого количества выступлений западных политиков и исследователей, постоянно подчеркивающих многочисленные и серьезные недостатки в организации обеспечения безопасности объектов ядерного комплекса в странах бывшего СССР и особенно России [2, 3].

Характерным является мнение главы американского разведсообщества Д. Дейча, который в своем докладе перед Сенатом США в марте 1996 г. утверждал следующее: «Всестороннее исследование показало, что ни на одном из этих предприятий [системы Минатома РФ]... не существует соответствующих международным стандартам гарантий или мер безопасности, обеспечивающих содержание ядерных материалов, пригодных для производства ядерного оружия...» [3. С. 2]. Имела ли место в действительности столь стремительная деградация прежде эффективной системы национальной ядерной безопасности? Если да, то какие причины этому послужили? Если нет, то в чем причина появления подобных высказываний? Ответы на эти вопросы можно найти только в истории создания системы безопасности предприятий отечественного «атомного проекта». Рассмотрим эту проблему на примере крупнейшего объекта ядерно-оружейного комплекса (ЯОК) – Сибирского химического комбината (СХК).

Постановление о строительстве первого комбината за Уралом было принято в марте 1949 г., а к 1961 г. СХК уже был сформирован как целостное оборонное предприятие с полным ядерным циклом по плутонию, приступив к серийному производству компонентов ядерного оружия, регенерации отработанного топлива

и пр. За период реализации оборонных программ на СХК, по различным оценкам, было произведено около 70 т оружейного плутония (больше, чем на каком-либо ином ядерном предприятии), что составляет порядка 50% всего оружейного плутония, произведенного в СССР [4, 5]. Научная и производственная деятельность СХК, как и любого из вновь создаваемых объектов ЯОК, подлежала строжайшей секретности. Само существование объекта, цели и характер его деятельности были высшей государственной тайной. Вопросы обеспечения безопасности с первых дней находились в центре внимания всех органов государственной власти. Заместитель директора по научной работе Института проблем безопасного использования ядерной энергии в Курчатовском институте А. Калугин в ходе празднования 50-летнего юбилея первой Сибирской атомной электростанции в ЗАТО Северск, подчеркнул: «...атомный проект начался в ведомстве Берия, где слово “безопасность” было не просто словом» [6].

С учетом реалий послевоенной международной обстановки и особого уровня секретности всех работ, связанных с советским «атомным проектом», руководством Советского Союза изначально была принята практика превращения территорий размещения объектов ЯОК в закрытые режимные зоны с системой инженерных заграждений и войсковой охраной по периметру. Существование «атомградов» было засекречено для широкой общественности. Любая статистическая информация (численность населения, социально-экономические показатели и др.), равномерно распределялась на соседние регионы. Закрытые поселения «не показывались на географических картах, не давались в справочниках и энциклопедиях, почти не было никакого намека на их присутствие и на местности: названия ЗАТО не подписывались на дорожных указателях, маршрутных табличках автобусов» [7]. По периметру города были окружены системой инженерных заграждений, контрольных и запретных зон. Доступ в «закрытые» города осуществлялся через контрольно-пропускные пункты по специальным пропускам.

Важно, что создание подобных зон не является изобретением И. Сталина, продолжением системы ГУЛАГ, или чисто советской государственной практикой. Создание государством специальных зон с особым режимом доступа, включающим специальную проверку и отбор персонала, а также граждан, посещающих их, является признанной во всем мире эффективной мерой создания условий для обеспечения безопасности

объектов ядерной инфраструктуры [8]. Как отмечает ряд зарубежных исследований, советская система ядерной безопасности базировалась на трех ключевых компонентах – охрана, вооружение и физические заграждения (3G model-guns, guards, gates) [9]. Данная система, безусловно, сочетая использование людской силы и технических средств физической защиты объектов, отдавала предпочтение вооруженной охране.

Минимизация недостатков, присущих созданной таким образом человеко-ориентированной системе безопасности, достигалась советским руководством за счет тщательного отбора и контроля органов МГБ-КГБ, установленными жесткими регламентами и правилами безопасности, воспитанием соответствующей «культуры безопасности». Здесь сложно не согласиться с мнением американских парламентариев, отмечавших, что советская система безопасности опиралась на «закрытые границы, закрытые города, контролируемое общество и постоянное наблюдение за персоналом со стороны КГБ» [10. С. 3].

Несмотря на объективное отсутствие в те годы общесоюзной законодательной базы, касающейся использования атомной энергии, ядерного оружия и обеспечения его безопасности, аппарат Министерства (Комитета) государственной безопасности служил средством сохранения абсолютной секретности всех работ и обеспечения неукоснительного выполнения всех нормативных документов как отраслевого, так и объектового характера. Кадровый костяк руководителей подразделений режимно-секретной службы также составляли прикомандированные офицеры госбезопасности и МВД. Что касается технических систем физической защиты, контроля и учета ядерных материалов на комбинате, то они формировались одновременно со строительством и запуском в промышленную эксплуатацию заводов СХК. Таким образом, становление этих систем в организационном и материально-техническом отношении относится в основном к периоду 30–40-летней давности. Как констатирует сегодняшнее поколение специалистов СХК, часто указанные системы «создавались без проектов, по одному приказу воинского командира, в крайне сжатые сроки» [11. С. 2].

Недостатки и простоту технических средств как раз и компенсировали тщательно отобранными и подготовленными кадрами, что в совокупности формировало весьма надежные системы безопасности. «Несложность» систем охраны и безопасности можно проиллюстрировать следующими выдержками из архивных документов комбината: «К августу 1965 г. ограждение локальных зон объектов “Т”, “И-1”, складов 8-а, 5/25, 163, 164, 187, 9-10 было выполнено сплошным деревянным забором на бетонных столбах, объекта “С” – сплошным забором на деревянных столбах. Перечисленные площадки и ТЭЦ были обеспечены охранным освещением и связью, специализацией типа “Графит” и “ТЛО”» [12. С. 18–19].

Наконец, с точки зрения так называемой модели «базовой угрозы», принципиальным аспектом советской системы была практически полная нацеленность на «внешнего нарушителя». Имела место общая идеологизация понятия «противник» («нарушитель») и направленность на борьбу с внешним врагом. Показа-

тельно, что в Советском Союзе не использовался термин «физическая защита», вместо него существовало понятие «режим и охрана», подразумевавшее защиту секретов и охрану объектов от посягательств спецслужб и диверсионных групп стран НАТО. Для сравнения, сущностью американского подхода к созданию системы ФЗУиК является ограждение материалов от хищения или утери в результате незаконных операций.

В январе 2002 г. на СХК состоялся первый открытый региональный семинар по обмену опытом в области модернизации систем физической защиты ядерно-опасных объектов, в котором приняли участие представители Минатома РФ, МЭ и НЛ США, специалисты по безопасности с аналогичных предприятий системы Минатома. В ходе семинара специалисты СХК признавали, что национальные лаборатории США уже давно начали работать над проблемой внутренней опасности и «внутреннего нарушителя» и достигли больших успехов, в то время как в Советском Союзе этому не уделялось должного внимания. Причина – жесткий отбор и контроль за сотрудниками и силами охраны во времена СССР, подкрепленный системой идеологического воспитания. Указанная система минимизировала риски осознанных «внутренних нарушений», объективно снижая необходимость масштабного использования технических средств [13–15].

Им вторили и американские коллеги. В частности, Ш. Родригез на пресс-конференции было заявлено на этот счет, что «у нас различается общий подход к физзащите. Основное различие – пожалуй то, что в США различные работы по модернизации ФЗ ведутся уже 20 лет. То есть мы уже тогда были ориентированы в большей степени на различные технические средства, в то время как СССР полагался в большей степени на свой персонал» [16].

Тщательность подбора кадров в советскую атомную отрасль определялась не только профессиональной пригодностью, но и оценкой их по политическим качествам. Режимно-секретные органы в обязательном порядке инструктировали о правилах личной переписки, о неразглашении места дислокации комбината, об установленном режиме и секретных данных, с которыми они ознакомятся в процессе работы или при общении с проживающими [12. С. 13]. Каждый заполнял подписку о неразглашении государственной тайны, которая содержала предупреждение о возможности привлечения к уголовной ответственности в случае разглашения секретных сведений согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г., предусматривающему наказание в виде лишения свободы сроком от 4 до 15 лет [17. С. 225].

Режимно-секретными органами и командованием войсковой части, обеспечивавшей охрану комбината, предъявлялись чрезвычайно высокие и жесткие требования к организации и соблюдению объектового режима всеми сторонами. Так, в архивах СХК зафиксированы следующие случаи, наглядно иллюстрирующие серьезность контроля и отсутствие исключений: «...старший лейтенант Завьялов Г.Г., пропустивший через КПП жилпоселка свою знакомую, бывшую жительницу этого же жилпоселка и работницу МВД Петрову, был арестован на 10 суток и уволен в запас ВС

СССР. Рядовые Пугачев и Кузнецов, пропустившие бывшего сотрудника военной контрразведки, которого они знали в лицо, старшего инспектора РСО объекта «С» Филиппова на объект «Т», были арестованы на 15 суток каждый» [12. С. 17]. Нельзя также не упомянуть то обстоятельство, что власти удалось заинтересовать население работой и образом жизни в закрытых городах не только репрессивными мерами или патристическими лозунгами, но и с помощью значительных привилегий и льгот.

Как отмечают многие исследователи, закрытые города развивались как элитные поселения, где наблюдались высокий уровень жилищной обеспеченности, развитая социальная инфраструктура, значительно более высокая заработная плата, чем в стране в целом [18, 19]. Такие города «строились по индивидуальным, специально разработанным планам и характеризовались четкой планировочной структурой и высоким уровнем благоустройства, ...поддерживался повышенный уровень товарного снабжения, что, в условиях планово-распределительной системы и повсеместного дефицита, имело первостепенное значение» [19. С. 44]. Таким образом, можно констатировать, что в Советском Союзе действительно была создана эффективная многоуровневая система обеспечения безопасности ядерного оружия в целом и объектов ядерно-оружейного комплекса в частности. Основу системы составляли особый режим ЗАТО, жесткая кадровая политика, вооруженные силы охраны объектов плюс ТСО, в соотношении, обеспечивавшем превосходство человека над техникой. В более широком плане система поддерживалась существовавшим авторитарным режимом, тотальным контролем органов госбезопасности и внешней закрытостью страны. Вкупе все эти условия создавали чрезвычайно эффективную (с точки зрения выполнения своей основной функции) систему обеспечения безопасности объектов ядерно-оружейного комплекса, позволившую избежать сколь-нибудь значительных инцидентов. Так, за десятилетия функционирования производств СХК было зафиксировано немало аномалий в системах ФЗУиК ЯМ, однако не выявлено ни одного факта хищения ЯМ оружейного качества [11].

С распадом Союза существенные изменения, которые претерпели как внутренние, так и внешние условия существования ЯОК, привели к возникновению целого ряда новых вызовов и возможностей. В первую очередь роль кадров претерпела существенные изменения, причем это верно как для сотрудников, так и для сил охраны и спецслужб, чей аппарат был существенно ослаблен и дезорганизован. Как писал ветеран северского подразделения Управления МГБ-КГБ СССР по Томской области полковник в отставке М. Портный, «...в шумных словесах перестроечных реформ утонули главные человеческие ценности: совесть, разборчивость в средствах достижения целей, чистота помыслов и действий, и, наконец, главное – забота об интересах России» [20]. Экономические трудности, кризис идеологии, рост социальных проблем в обществе (криминализация, наркомания) привели к снижению производственной дисциплины среди персонала и служебной дисциплины войсковой охраны. Указанные тенденции, в сочетании с формированием мотивации на совершен-

ние хищений и снижением влияния режимных ограничений и правоохранительных мер, изменили роль человеческого фактора, сделав его «весьма уязвимым аспектом проблемы обеспечения сохранности ядерных материалов» [21].

С другой стороны, существующая система ТСО уже не была адекватна складывающимся угрозам, поскольку морально и физически устарела, а средства на модернизацию отсутствовали. Сложилась ситуация, когда «строительные конструкции [атомных объектов] вполне соответствуют современным требованиям к физической защите подобных объектов, а здания просто не успели обветшать, поскольку их возраст не превышает тридцати, в крайнем случае – сорока лет», но технические и инженерные средства защиты и контроля «устарели безнадежно» [22]. Для примера: только в 1985 г. в НИКИ СХК была разработана, смонтирована и внедрена установка «Калитка» для контроля наличия ЯМ у персонала, выходящего с ХМЗ. При этом «Калитка» была первой и долгое время единственной установкой подобного рода на предприятиях Министерства [23].

Ситуация дополнительно осложнялась тем, что в соответствии с международными договоренностями по сокращению ядерных вооружений Министерство обороны СССР активно начало возвращать на предприятия, производившие компоненты ядерного оружия, десятки тысяч специальных изделий. В этой связи возникла проблема обеспечения безопасного хранения данных изделий на территориях объектов. В частности, на СХК ввиду отсутствия специальных хранилищ ЯМ, долговременное хранение последних было организовано в приспособленных (переоборудованных под хранилища) зданиях и помещениях [24]. Нужно учитывать, что указанные события произошли в достаточно короткий промежуток времени и, безусловно, не могли быть заранее прогнозируемы. Вследствие этого проблема модернизации систем физической защиты, контроля и учета ЯМ встала особенно остро. Вместе с тем вышеперечисленные проблемы также продемонстрировали жизнеспособность и устойчивость созданной в Советском Союзе системы, которая даже в самых критических условиях не дала сбой, сохранив в безопасности мощнейший ядерный арсенал в мире. В этих условиях скорее можно было говорить о потенциальной угрозе в связи с тяжелым экономическим положением атомной отрасли. Когда речь шла об элементарном выживании предприятия, как никогда актуальным стало известное выражение о том, что «меры безопасности не производят киловатты» («safeguards don't make kilowatts»).

Возвращаясь к аргументации американских партнеров, можно ответить словами официального представителя МИД России А. Нестеренко, отреагировавшего на очередное обвинение на сей счет министра обороны США Р. Гейтса, который в октябре 2008 г., выступая в Фонде Карнеги, выразил озабоченность сохранностью российских ядерных арсеналов: «Уже не в первый раз американская сторона публично заявляет о том, что в 1990-х годах значительные запасы российского ядерного оружия были якобы утеряны или расхищены. Подобные инсинуации не имеют под собой абсолютно

никаких оснований. Несмотря на все те трудности, с которыми столкнулась наша страна в начале 1990-х годов, стандарты обеспечения безопасности и физической защиты российских арсеналов ядерного оружия оставались на весьма высоком уровне. Никаких «утечек» ядерных вооружений допущено не было» [25].

Думается, что состояние режима нераспространения и мировой террористической угрозы в настоящее время также доказывают беспочвенность обвинений России в «гуляющих» ядерных материалах. Иначе мир бы уже стал свидетелем появления новых ядерных государств или масштабных актов радиологического терроризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проблемы* распространения. Анализ деятельности Соединенных Штатов по обеспечению безопасности ядерных и других высокоопасных материалов и технологий в странах бывшего СССР. Национальный исследовательский совет, США: Пер. с англ. Киров, 1998.
2. *Allison G., Cote Jr. O., Falkenrath R., Miller S.* Avoiding nuclear anarchy: Containing the Threat of Loose Russian Weapons and Fissile Material. Cambridge, Mass, 1996.
3. *John Deutch*, Director of Central Intelligence, «The Threat of Nuclear Diversion», testimony to the Permanent Subcommittee on Investigations, Senate Committee on Governmental Affairs, March 20, 1996.
4. *Голоскоков И.В., Жмакин В.Г.* Гособоронзаказ // Новое время, 2003. 20 октября.
5. *General Accounting Office*, «Nuclear Proliferation: Status of US Efforts to Improve Nuclear Material Controls in Newly Independent States». Washington D.C., March 1996.
6. *Рябов П.* Сибирская АЭС – прикосновение к истории // Томские новости. 2008. 2 окт.
7. *Заяц Д.В.* Закрытая Россия: Что такое ЗАТО. Режим доступа: <http://geo.1september.ru/2004/07/3.htm>
8. *Информационный циркуляр* Международного агентства по атомной энергии «Физическая защита ядерного материала» // INFCIRC/225. Rev. 2. 1989. December.
9. *Nuclear Security Culture: The Case Of Russia* // Center for International Trade and Security, University of Georgia, Athens. 2004. December. URL: <http://www.uga.edu/cits>
10. *John P. Holdren*, Chairman, Panel on U.S.-F.S.U. Cooperation to Protect, Control and Account for Weapons-Usable Nuclear Materials. Testimony to a joint hearing of the Permanent Subcommittee on Investigations, Senate Committee on Governmental Affairs and Subcommittee on Europe, Senate Foreign Relations Committee, August 23, 1995.
11. *Goloskokov I.V., Petrushev V.I., Yarygin A.P.* (Siberian Chemical Combine), R. Logsdon (LLNL), R. Morgado, Ch. Rodriguez (LANL). Structure of the Management of the MPC&A Program at the Siberian Chemical Combine / Report on the 41st annual conference of the Institute for Nuclear Materials Management, New Orleans, USA. 16–20 July. 2000.
12. *Голоскоков И.В.* Образование и становление режимно-секретной службы Сибирского химического комбината Минатома России. 1950–1965 гг. Северск, 2003.
13. *Ищенко И.* СХК искал защиты на семинаре // Томский вестник. 2002. 17 янв.
14. *Косяков С.* Надежно ли защищен СХК? // Томские новости. 2002. 24 янв.
15. *Андрейчикова Ю.* Крепче брони // Томская неделя. 2002. 17 янв.
16. *Мифтахова М., Мишанов Н.* Броня крепка? // Новое время. 2002. 17 янв.
17. *Толстиков В.* Ядерно-оружейный комплекс Урала: цена и последствия // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003. № 2 (1).
18. *Тихонов В.* Ракетно-ядерный комплекс России: мобильность кадров и безопасность. М., 2000. № 1. Режим доступа: <http://pubs.carnegie.ru>
19. *Лаппо Г.М., Полян П.М.* Закрытые города // Социологические исследования. 1998. № 2.
20. *Портный М.* Записки контрразведчика (продолжение) // Новое время. 1999. 15 июля.
21. *Голоскоков И.В.* Проблемы создания эффективной системы безопасности крупного ядерного предприятия. Возможности российско-американского сотрудничества в условиях ограничения доступа. Проблемы самостоятельного поддержания модернизированных систем ФЗУиК // Доклад на заседании рабочей группы по выработке рекомендаций для повышения эффективности российско-американского сотрудничества. М.: Атомэнерго, 2000.
22. *Сильников М.* К вопросу об инженерной защите ядерных объектов. Режим доступа: <http://www.npo-sm.ru/mag/yader.html>
23. *Изнатова М.* 7-й отдел в зеркале истории // Новое время. 2002. 17 окт.
24. *Голоскоков И.В., Ярыгин А.П.* Комплексная защита ядерных материалов на крупном промышленном ядерно-оружейном предприятии // Материалы 2-й Российской международной конференции «Учет, контроль и физическая защита ядерных материалов». Обнинск: ФЭИ, 2000.
25. *Ответ* официального представителя МИД России А.А. Нестеренко на вопрос СМИ в связи с высказываниями Министра обороны США Р. Гейтса о сохранности ядерного оружия в России. 31.10.2008 г. Режим доступа: http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/44CF96E3F69DA51DC32574F30032F5D4?OpenDocument

Статья представлена научной редакцией «История» 6 апреля 2010 г.